

ТЕМА ВЫБОРОВ И ДЕМОКРАТИИ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

А. А. Фокин

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. aafokin@yandex.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке ШАГИ РАНХиГС

В рамках исследования позднесоветского электорального процесса важным вопросом является восприятие населением практики организации и проведения выборов. Одним из источников, который позволят это выявить, является политический фольклор. На основе анализа анекдотов и частушек были определены наиболее частые мотивы при оценке выборов. Отсутствие альтернативных кандидатов, предсказуемость выборов и несоблюдение тайны голосования – все это вступало в противоречие с официально декларируемыми принципами советской демократии. Разница между практикой и идеологией приводила к возникновению и бытованию политического фольклора. Политический фольклор в позднесоветский период находился в своеобразной «серой зоне», поскольку за него не преследовали, но его и не легализовали. Такая ситуация позволяла советским людям проявлять политическое своеволие (*Eigensinn*). Политический фольклор в позднесоветский период не означал антисоветских взглядов, в большей степени это была возможность высказать недовольство отдельными аспектами политической жизни в СССР, при этом не подвергая критике систему в целом.

Ключевые слова: *Советский политический фольклор, анекдоты, частушки, позднесоветское общество, выборы.*

Позднесоветский период часто считается «золотым веком» советского политического анекдота. Успеху данного фольклорного жанра в 1970–1980-е гг. способствовал целый ряд факторов. После смерти Иосифа Сталина партийно-государственное руководство взяло курс на формирование нового общественного договора, который предусматривал отказ от систематического и массового насилия, что, в свою очередь, снижало риск привлечения по 190-й статье УК РСФСР. При этом сохранение контроля за идеологической сферой и СМИ со стороны партии и государства делало фольклор в целом и анекдоты в частности важным каналом коммуникации на низовом уровне. Анекдот оказывался в своеобразной серой зоне – за анекдоты не преследовали, но они и не были легальны, что придает акту рассказывания дополнительный элемент приемлемого риска.

Еще одной причиной расцвета анекдотов были социальные изменения в СССР, прежде всего урбанизационные процессы: именно в начале 1960-х годов городское население впервые в истории превысило сельское, а к 1980-м в РСФСР численность городского населения уже достигала более 70 % процентов. Такой рост численности жителей города привел к изменению структуры фольклора, анекдот, как городской жанр, вышел на первый план. Менялась и сама структура города, в котором в ходе начала массового жилищного

строительства на рубеже 1950–1960-х гг. формировалось приватное пространство, которое облегчает установление коммуникации только для «своих». Неслучайно практика травить анекдоты в позднесоветский период устойчиво связана с кухней. Таким образом, анекдоты были важной частью повседневности позднесоветского периода.

Если анекдот в связи с процессами урбанизации укореняется в позднесоветской культуре, то другой фольклорный жанр – частушка – отходит на второй план. Хотя частушки продолжают бытовать как в деревне, так и в городе, они в меньшей степени встроены в новую социальную действительность. Показательно, что если в 1920–1930-е гг. власть активно пыталась сформировать лояльный нарратив, основанный на использовании традиционных фольклорных приемов, давались заказы на сочинение былин и частушек, направленных на прославление руководителей СССР или приукрашивание действительности, например, колхозного строя, то в позднем СССР такой публичной практики мы не наблюдаем, власть не требует писать «правильные» анекдоты и частушки. Позднесоветские повседневные практики тяготели к формированию приватного пространства, а частушки, наоборот, направлены на коллективное или даже массовое исполнение. Анекдоты другу на кухне рассказывать можно, а

часть — крайне важный источник для изучения позднесоветского, ибо в современной историографии позднесоветская деревня оказывается вне фокуса изучения, а основное внимание исследователей сосредотачивается на опыте городской жизни. Так, Алексей Юрчак в своей книге, которая на данный момент является центральной в попытке концептуализировать феномен позднесоветского, выдвигает идеи перформативного сдвига, «воображаемого Запада», внаходимости на основе анализа интервью с представителями городской интеллигенции [Юрчак: 2014].

Получается, что около трети жителей позднего СССР (по РСФСР процент сельского населения составляет около 31 — по результатам переписи 1979 года¹) не включаются в анализ позднесоветского опыта. В связи с этим сравнение анекдотов и частушек позволит лучше понять специфику восприятия демократии в целом и выборов в частности в позднесоветский период.

Историография изучения советского политического фольклора не разработана в полной мере [Архипова, Мельниченко: 2011; Архипова: 2004; Воробьева: 2008; Иванова: 2009; Кирзюк: 2017; Мельниченко: 2011; Скрадоль: 2011]. Причина этого кроется в пограничном характере советского политического фольклора как источника. Фольклористы относительно недавно стали работать с текстами отечественного постфольклора и, следовательно, в большей степени ориентируются на изучение более привычных жанров. Историки, хотя и признают анекдот и частушки как исторический источник, справедливо скептически оценивают его фактографический потенциал, поскольку он в большей степени содержит не факты, а оценки восприятия действительности. Если для традиционных направлений исследований, таких как политическая или экономическая история, высокая степень субъективности источника является критическим недостатком, то для историко-антропологического подхода, наоборот, это является важным достоинством.

Важной частью антропологического инструментария проекта является использование «насыщенного описания» К. Гирца [Гирц: 2004]. В рамках культурной антропологии символы и знаки, формирующие культуру, не расшифровываются и переосмысливаются, а наполняются смыслом исходя из того, в какой ситуации они функционировали и как они переживаются и воспринимаются носителями культуры. Для Клиффорда

Гирца символами и знаками являются паттерны социальных актов, которые наполняются дополнительным смыслом, исходя из культурного контекста. Культура выступает в качестве своеобразной «грамматики», которой люди пользуются для формирования «высказываний» — социальных действий, нагруженных смыслом, доступным в полной мере только носителям данной культуры. «Насыщенное описание» для исследователя культуры является инструментом, позволяющим ему вскрывать подразумеваемый производимый действие человеком смысл, то есть интерпретировать его. Советский политический фольклор выступает как реализация этой грамматики и вызывает необходимость изучения смыслов, которые вкладывались людьми в высказывания.

В качестве основных источников использованы два сборника советского политического фольклора. Первый сборник составлен Михаилом Мельниченко, который на основе архивных документов, судебных дел, доносов, эмигрантской печати, дневников сформировал указатель сюжетов анекдотов², имевших хождение в СССР с 1917 по 1991 год. Второй сборник составлен на основе коллекции частушек А. Д. Волкова³, который с 1942 года начал собирать частушки и делал это даже после распада СССР. В его коллекции оказалось около 14 тысяч частушек, многие из которых не были зафиксированы или опубликованы академическими фольклористами, поскольку носили эротический или политический характер. В качестве дополнения к собраниям фольклорных материалов использованы архивные данные из фонда Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР⁴. Особый интерес представляют письма населения, которые могут быть сопоставлены с фольклорным материалом.

Важным вопросом является вопрос о функции политического фольклора в позднем СССР. Традиционный взгляд на советский политический фольклор заключается в том, что он выражал истинное отношение населения к власти. Смех в таком контексте воспринимается как сопротивление режиму и освобождает его от власти политических институтов⁵. Такое понимание поли-

²Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., 2014.

³Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. В двух томах. Том 2. Политические частушки. М., 1999.

⁴ГАРФ. Ф. Р7522.

⁵Такой подход к смеху представляется некорректным, на мой взгляд, смех и юмор могут использоваться и властью для подкрепления официальной точки зрения. См.: Фокин А.А. «Смех в зале»: комическое на партийных съездах

¹Численность и состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1984. С. 8.

тического фольклора восходит к работе Михаила Бахтина о народной смеховой культуре Франции. Отчасти такой интерпретации способствовала советская власть, поскольку рассказывание политического анекдота подпадало под действие УК РСФСР (1960), статья 190-1 «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Предполагалось, что виновный сознательно сообщает такие факты, сведения, которые вообще не имели места в жизни, либо излагает отдельные явления в явно искаженном тенденциозном виде. Исходя из такой формулировки, в дело вступает обратная логика: если власть говорила, что фольклор содержит заведомо ложные измышления, в реальности он содержал правду. Такой подход, хотя и является наиболее популярным, не отражает всей специфики бытования советского политического фольклора. Близка к этой и другая позиция, связанная с преодолением идеологического давления: «Политический анекдот (и, шире, культура стеба) стал естественным порождением и одновременно выходом из ситуации, в которой “сам язык воспринимался как коррумпированное средство массовой дезинформации”, прорывом замкнутого языкового круга» [Кирзюк: 2017, С. 84]. Алексей Юрчак относит позднесоветский анекдот к иронии вненаходимости, то есть анекдот не делил мир на чужих (о ком рассказывали анекдоты) и своих (кто рассказывал анекдот), анекдоты были про всю советскую действительность, включая те ценности, которые были дороги для рассказчика [Юрчак: 2014, С. 550]. Такая точка зрения на советский политический фольклор представляется наиболее правдоподобной, и она может быть дополнена еще двумя концепциями. С одной стороны, это идея «разномыслия»: в советский период, особенно в позднем СССР, существовало не два дискурса – советский и антисоветский, а был довольно большой спектр точек зрения, которые не вступали в прямой конфликт с официальной идеологией, но довольно серьезно могли от нее отличаться. При этом носители «разномыслия» могли воспринимать себя как лояльные к советской системе субъекты¹.

(1950—1960-е гг.) // От великого до смешного... Инструментализация смеха российской истории XX века. Сборник статей. Челябинск, 2013. С. 110-118; Застольные речи Сталина. Документы и материалы. Вступительная статья, составление, комментарий, приложение В.А. Невежина. М., СПб., 2003; Калинин И. Смех как труд и смех как товар (стахановское движение и капиталистический конвейер) // НЛО. 2013. № 121. С. 113–129.

¹Фокин А.А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов.

В таком случае о фольклоре можно говорить не как о прямом сопротивлении, а как об *Eigensinn* (своеволие, упрямство). Альф Людтке [Людтке: 2010] на примере немецких рабочих показал, как они могли расширять возможности допустимого, одновременно находясь в определенных рамках. При таком подходе позднесоветский фольклор не противоречит, а сочетается с официальной идеологией в одном человеке, только проявляется в различных ситуациях. Можно допустить, что и члены КПСС, и сотрудники КГБ могли смеяться над услышанным политическим анекдотом. Это же и объясняет, почему в позднесоветский период, в отличие от сталинского, политический фольклор переходит в серое правовое поле, в котором хоть и предусмотрено наказание, но оно не происходит. Власть уже не видела в этом фольклорном «своеволии» прямой угрозы для себя, в отличие от литературных текстов. *Eigensinn* позволяет лучше переживать советскую действительность и расширяет границы допустимого. То есть человек в рамках допустимых границ мог высказать своевольное разномыслие по отдельным вопросам жизни в советском обществе, неслучайно основная масса советского политического фольклора связана с темами повседневности.

В таком контексте тема советской демократии и выборов в СССР представлена в фольклоре не очень ярко. Так, в указателе сюжетов анекдотов М. Мельниченко находится всего 13 анекдотов, посвященных выборам и демократии, а в коллекции А. Д. Волкова – 31 частушка. Исходя из такого небольшого количества политического фольклора на тему выборов можно сделать несколько предположений. Если исходить из представления о советском политическом фольклоре как о форме сопротивления режиму, то получается, что советское население не было оппозиционно настроено к формам советской демократии и не пыталось с помощью смеха деконструировать установки официальной идеологии. Такой вывод автоматически вступает в противоречие с базовой установкой восприятия политического фольклора как проявления массовых антисоветских настроений в различных группах советского общества. Поэтому такая точка зрения, как уже указывалось выше, представляется неработающей применительно к позднесоветскому периоду. Скорее всего, неактивность населения в воспроизводстве фольклорных текстов на тему выборов и демократии связана с тем, что эта проблематика находи-

дов. М., 2017; Фирсов Б. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы: История, теория и практики. СПб., 2008; Разномыслие в СССР и России (1945–2008). СПб., 2010.

лась на периферии жизненного мира советского человека. В условиях формирования частного пространства и варианта общества потребления бытовые вопросы в значительной степени оказываются в центре внимания. Eigensinn в большей степени будет касаться качества продуктов питания или нехватки жилплощади, чему и посвящена значительная часть советского фольклора. Эта интерпретация подтверждается содержанием писем граждан в адрес Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет. В 1974 году поступило 4003 обращения, которые распределились по тематике следующим образом: Вопросы, связанные с подготовкой и проведением выборов – 306; Жалобы, связанные с осуществлением депутатских функций – 17; Просьба о личном приеме руководителями государственных органов – 54; жилищные вопросы – 1894; судебно-прокурорские вопросы – 362; трудовые вопросы – 171; вопросы социального обеспечения – 123; вопросы прописки – 117; материально-бытовые вопросы – 422; разные вопросы (предложения об улучшении работы советских, хозяйственных и общественных организаций, сельскохозяйственных и др.) – 422¹. Таким образом, подавляющее большинство вопросов связано с решением жизненных коллизий и неурядиц. Граждане использовали все возможные каналы коммуникации с властью, и письмо в ЦИК предоставляло такую возможность. Анализируя письма за 1974 год и за другие годы, по которым нет такой тематической сводки, можно особо отметить, что все авторы были настроены лояльно по отношению к существующей политике. Зачастую письма носят весьма критический характер, но их наличие позволяет предположить, что целью все-таки было установить коммуникацию с системой.

Анализируя содержание анекдотов и частушек, сталкиваешься с определенным парадоксом. Так, тема безальтернативности советских выборов в фольклоре представлена крайне слабо, хотя это одно из главных отличий между советской и западной моделями демократии. Из имеющихся текстов у нас на данную тему есть следующие: Депутат Верховного Совета СССР подошел на базаре к знакомому крестьянину, который продавал поросят. «Хочу купить кабанчика – матери в село отвезти». – «Он в мешке. Засовывай руку и выбирай». А сам сгреб верхушку мешка и оставил только небольшое отверстие для депутатской руки. Тот просунул руку: «Что ты говоришь “выбирай”, а тут один только поросенок. И еще в мешке, а я хотел бы хоть посмотреть, какой он

...» – «Вот мы и тебя выбирали: один ты в бюллетене, а какой – знали только знакомые» [Мельниченко: 3022А]; Покупательница у прилавка. «Масло вологодское есть?» – «Нету». – «Масло за 3.60 есть?» – «Нету». – «А какое есть?» – «Крестьянское». Покупательница вздыхает. Ей крестьянское масло не нравится. «Ну давайте». – «Вы правильно выбрали». – «Я, по-вашему, выбрала?» – «А как на съезде народных депутатов? Предлагают на каждый пост по одному кандидату, а называется – выбрали» [Мельниченко: 024А]. Схожие мысли можно обнаружить и в письмах во власть: «В Белоруссии извращены основные принципы советской демократии, выражающиеся в том, что в бюллетенях по выборам в Верховный Совет СССР, вопреки ст. 79, 81, 88 и других Положения о выборах в Верховный Совет СССР по избирательным округам включена в бюллетень для тайного голосования только одна кандидатура, а это фактически выборы без выборов»². Обратим внимание, что в приводимом письме автор ставит своей задачей не протестовать против советской системы в целом, он к ней настроен вполне лояльно, но его не устраивает отдельный элемент электорального процесса. В фольклоре же соединяются тематика продуктового дефицита и политическая сатира. Такое соединение позволяет предположить наличие смысловой связи между отсутствием альтернативных кандидатов и отсутствием разнообразия масла в магазине.

Частушки говорят об этой теме следующим образом: Семен на выборы / Только зря ходил: / Из кого же выбирать? / В списке член один! [Волков: 946]; Понял, дурак Семен, / Ты мысли важные: / Избрать и выбирать — / Две вещи разные. [Волков: 948]. Правда, если анекдоты используют бытовые реалии, то частушки обращаются к телесному низу, тем самым еще и нивелируя пафос избирательного процесса сравнением с половым органом.

И в частушках, и в анекдоте юмор строится на семантическом различии двух терминов – избрание и выборы. Для части советских граждан принципиальным было противоречие между одним кандидатом в бюллетене и словом «выборы». Вот еще одно письмо в ЦИК: «Все на выборы в Верховный Совет СССР – 16 июня 1974 года! Негоже выбирать, когда в бюллетене одна кандидатура, а там сказано всех зачеркни одно оставь. Кого зачеркивать. Таким образом не выбор, а голосование за выдвиненцев, но ни в коем случае не выбор. Поэтому следовало узаконить такую практику, чтобы не выборы, а голосования.

¹ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 9. Д. 25. Л. 21-22.

²ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 7. Д. 23. Л. 18.

Это было бы по-ленински чистосердечно»¹. Еще раз подчеркнем, что в данном обращении, которое начинается с призыва участвовать в выборах, есть стремление ликвидировать разрыв между реальной электоральной практикой и воображаемым, идеальным образом советской демократии. В фольклоре этот разрыв подчеркивается за счет смыслового различия однокоренных слов, избрание кандидата не означает возможность делать выбор. Некоторые советские граждане подчеркивали этот разрыв словотворчеством: «До тех пор, пока не будет разрешено самовыдвижение, не будет выдвигаться 2-х кандидатов в депутаты, какая тут может быть демократия, если во всем Советском Союзе ни по одному избирательному округу не выдвинуто 2 кандидата, а везде выдвинут только один кандидат, 12 июня будет не день выборов, а день утвердин, ведь само слово „выборы“ означает наличие хотя бы 2 кандидатов, чтобы из них можно было выбирать. А раз нет выбора, значит это не выборы, а утвердины»². Для того чтобы подчеркнуть особенность советского электорального процесса, человек придумывает слово «утвердины».

На основе доступных эго-документов можно говорить об определённой текстологичности советских граждан, что подтверждается фольклором. Слова и тексты выступают как весьма значимые явления. Так, для ряда граждан достаточно было изменить слово «выборы» на «голосование» или что-то подобное, чтобы снять существовавшие противоречия. То есть дело было не в практике, а в слове, и следовало провести «исправление имен» для наведения порядка. Конечно, для определенной части советских граждан использование неправильных слов дополнительно подкрепляло восприятие советских выборов как неправильно устроенные, и фольклорные тексты в большей степени подкрепляют такую точку зрения. Для исследователя сложным является вопрос, возможно ли подсчитать, какой процент советского населения разделял ту или иную точку зрения. Возможно, в будущем с использованием комплексных подходов удастся реализовать масштабное исследование позднесоветского общества, которое в том числе позволит ответить на этот вопрос.

С темой безальтернативности советских выборов схож сюжет о том, что результаты выборов известны заранее. Действительно, голосование в советской электоральной традиции было финальным этапом довольно длительного процес-

са, и предполагалось, что если кандидат прошел все стадии от согласования его кандидатуры – на уровне местных партийно-государственных структур до выдвижения на собрании трудовых коллективов, то непосредственно в день выборов он наберет необходимое большинство голосов. Правда, иногда бывали осечки и кандидата забаллотировали, но это обычно происходило на низовом уровне сельских и поселковых советов. Случаи неизбрания кандидата на уровне областных Советов и тем более на выборах в Верховный Совет не известны. Население на эту практику реагировало следующими фольклорными текстами: «Чем закончатся выборы в Верховный Совет через десять лет?» – «Не знаем, точные итоги этих выборов на днях выкрали из секретариата ЦК КПСС» [Мельниченко: 3023]; За границей власть / Избирается, / А у нас она / Назначается [Волков: 916]; В избирательной комиссии / Все умные сидят: / Им заранее известен / Всех выборов результат [Волков: 1105]. Данные тексты вскрывают противоречие советской демократии: на выборах люди не выбирали, а утверждали предложенных кандидатов. По сути, выбор между возможными кандидатами проводили партийно-государственные органы. В анекдоте это ЦК КПСС, в частушке – избирательная комиссия.

Формально избирательное законодательство СССР предусматривало возможность выдвижения нескольких кандидатов. Есть предположение, что с утверждением Конституции 1936 г., в которой провозглашался принцип всеобщих выборов, Иосиф Сталин планировал использовать избирательную кампанию 1937 года как один из механизмов чисток. Возможность присутствия двух и более фамилий в бюллетене позволила бы заявить о том, что население не поддерживает кого-то из кандидатов и сместить его с занимаемой должности. На деле же эта норма не применялась, и попытка в 1979 году зарегистрировать альтернативного кандидата завершилась неудачей. Несмотря на то что деятельность «Группы-79» считается единственным шагом такого рода, судя по архивным данным, она была не первой и не единственной. В 1966 году инженер из Перми Юрий Курочкин обратился в Центральную избирательную комиссию: «Я хочу баллотироваться в качестве кандидата в депутаты СН ВС СССР по Пермскому избирательному округу № 23. Главное в избирательной кампании — это выдвижение и регистрация кандидатов в депутаты. Столкнувшись сам с этим вопросом, я обнаружил, что выдвижение и регистрация кандидатов в депутаты у нас происходят глубоко недемократически ... Я не обра-

¹ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 9. Д. 24. Л. 86.

²ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 7. Д. 23. Л. 30.

щался за выдвижением к коллективу, в котором я работаю, потому что при существующем «Положении» и практике выборов, я бы поставил свой коллектив в какое-то особое и дикое положение по сравнению с другими коллективами. Вот если бы было разрешено самовыдвижение, тогда бы я смело обратился в свой коллектив с просьбой разрешить мне самовыдвижение. Прошу продлить для нашего округа выдвижение и регистрацию кандидатов на 2 недели. Прошу разрешить самовыдвижение в кандидаты в депутаты. Прошу зарегистрировать меня кандидатом в депутаты СН ВС СССР»¹.

С точки зрения официальной идеологии, выборы играли роль не выбора лучшего из двух кандидатов, с выбором наиболее достойного человека должны были справиться партийные органы, а роль мобилизации и консолидации населения. В 1966 году Петр Туманов, вышедший на пенсию Заведующий Секретариатом ЦИК, опубликовал в газете «Известия» статью «Гарантия демократизма»². В контексте данной темы интересна не столько сама статья, сколько ответ автора на письмо одного читателя, поступившее в редакцию «Известий» и содержащее критику практики включения в избирательный бюллетень только одного кандидата. Петр Туманов в своем ответном письме указывал: «Вы [анонимный автор письма. – А. А.] подходите к вопросу предубежденно и абстрагируетесь от вопроса о политическом значении наших выборов в международной жизни. Вы не задумывались над тем, что скажут наши недруги, когда узнают, что депутаты нашего парламента избраны лишь незначительным большинством голосов избирателей»³. Важно было, чтобы кандидат получил как можно более высокий результат на выборах, показав тем самым единство советского народа, но, судя по политическому фольклору и архивным документам, не все разделяли эту официальную точку зрения.

Следующим элементом советских выборов, который находит отражение в советском политическом фольклоре, выступает практика тайного голосования. Для лучшего понимания анекдотов и частушек необходимо дать краткое описание процедуры голосования в СССР. Гражданин, придя на избирательный участок, получал бюллетень, в котором была фамилия кандидата. После этого он мог либо отправиться в специальную комнату или кабину, где была возможность вы-

черкнуть фамилию предложенного кандидата, либо сразу направиться к урне и опустить бюллетень, тем самым проголосовав за кандидата. Исходя из архивных документов и воспоминаний, существовала неформальная практика, когда люди, идущие в кабины и комнаты для голосования, вызывали у членов избирательной комиссии подозрение. Нормой считалось сразу идти к урне, а если кто-то поступал наоборот, тот мог подвергнуться эмоциональному давлению, хотя право вычеркнуть кандидата было закреплено в конституции. Поскольку низкий процент голосов или забаллотировка кандидата воспринималось как ЧП и ответственность ложилась на избирательные комиссии и партийные органы, которые не могли организовать «правильные» выборы, члены избирательных комиссий пытались не допустить плохого для них исхода: «Если же кто-либо (единицы) из всей массы избирателей заходит в кабину это сразу привлекает внимание членов избирательной комиссии или других лиц. На такого человека смотрят с подозрением: значит, будет зачеркивать! Судя по письмам моих знакомых из разных других мест и по личным наблюдениям, я могу утверждать, что такая практика получила широкое применение и даже является молчаливо узаконенной»⁴. Естественно, такое «тайное голосование» служило поводом к *Eigensinn*, что находит отражение и в фольклоре: В день выборов избиратель получил избирательный бюллетень, но, вместо того чтобы не глядя опустить его в избирательную урну, стал его читать. «Что вы делаете?» – грозно спросил его наблюдатель в штатском. «Хочу знать, за кого я голосую. – «Да вы что, не знаете, что выборы тайные?!» [Мельниченко: 3017А]. В этом анекдоты выборы становятся тайными не для избирательной комиссии, а для человека, то есть ему нельзя узнать, за кого он голосует, такой перенос смысла тайны голосования и языковая игра создают юмористический эффект.

Последний блок фольклорных текстов, который будет рассмотрен в данной статье, связан с выборами как праздником. Стоит отметить, что данная тематика встречается только в частушках, но не находит отражения в анекдотах. Возможно, создание анекдотов было связано в большей степени со средой интеллигенции, творческой или технической, а частушки тяготели к пролетарским группам, для которых выборы, как карнавал, становились временем, когда расширялись границы допустимого поведения.

В частушках карнавализация проявляется в снятии санкции на потребление алкоголя: Вы-

¹ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 7. Д. 23. Л. 29-30.

²Известия. 1966. 16 мая.

³ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 7 Д. 23. Л. 124.

⁴ГАРФ. Ф. Р-7522. Оп. 9. Д. 24. Л. 29.

трезвителя, / Как чумы, боюсь! / А вот на выборы / Вдребадан напьюсь! [Волков: 933]; Мне на выборах / Очень нравится: / Там буфет хорош — / Пивом славится! [Волков: 928]; Водка в будни / Запрещается, / А на выборах / Все прощается. [Волков: 932]; Для меня теперь / Есть оправдание: / Пью за слуг своих, / За их избрание. [Волков: 931]; Я б в такие дни / Пить не отважился, / А на выборах / Пьяный куражился. [Волков: 930]. Потребление алкоголя – один из популярных сюжетов частушек, демонстрирующий, что выборы являются поводом выпить довольно много. Данная тематика, значимая и популярная в народной культуре, оказывается более востребованной, чем недовольство безальтернативностью выборов. В целом, это закономерная и понятная позиция: на первый план выходят вопросы, связанные непосредственно с личным жизненным опытом, а не вещи, на которые непосредственно повлиять невозможно. Поскольку выборы, особенно в позднесоветский период, своей целью ставили мобилизацию населения и проведение ритуала единства, единения, необходимо было не принуждать людей участвовать в выборах, а побуждать. Для привлечения людей на избирательные участки власти, помимо прочего, делали ставку на праздничный характер голосования. Одной из самых устойчивых традиций проведения выборов в СССР, которая сохранилась и в современной России, является организация банкетов. Поэтому время выборов у населения считалось очень изобильным, так как появлялись товары, которые в другие дни было достать проблематично. На избирательные комиссии возлагали ответственность и по товарному снабжению подведомственных территорий, поскольку это считалось частью избирательной кампании. Человек, который в преддверии выборов смог купить дефицитный товар, отдаст свой голос за блок коммунистов и беспартийных гораздо охотнее, чем если в магазине не окажется нужного ему товара. Так, в ходе одной из инспекций ЦИК было отмечено: «В ходе проверки отмечалось, что в Кировской и Омской области имеются существенные недостатки в деятельности избирательной комиссии, в организации обслуживания населения, а также установлены в ряде районов факты перебоев в торговле товарами первой необходимости»¹.

¹РГАНИ. Ф. 5. Оп. 61. Д. 14. Л. 6.

Естественно, что в ситуации такого продуктового изобилия алкоголь становится важной частью праздника. В целом, в позднесоветском обществе отношение к алкоголю было противоречивым как со стороны властей, которые постоянно начинали антиалкогольные кампании, но видели в алкоголе и источник дохода, и способ снятия социального напряжения, так и со стороны населения, которое и покупало алкоголь, и призывало покончить с «зеленым змием». Но следует признать, что алкоголь был важной частью советской повседневности, поэтому нет ничего удивительного в том, что часть избирателей видела в выборах легитимный повод выпить и потом зафиксировать свой опыт в фольклоре.

В итоге анализа позднесоветского политического фольклора можно выделить основные аспекты, которые вызывали у населения критическое отношение к практике проведения советских выборов и декларируемым принципам советской демократии. Отсутствие альтернативных кандидатов, назначаемость кандидатов, формальный подход к процедуре тайного голосования – все это приводило к тому, что возникал разрыв между практикой и идеологией: говорили одно, а делали другое. В наличии данного разрыва и возникает возможность проявления своеволия. Можно предположить, что само руководство страны понимало наличие разрыва, в результате чего политический фольклор переходил в «серую зону».

Позднесоветский политический фольклор, с одной стороны, содержал сюжеты, схожие с архивными данными темы, за исключением потребления алкоголя на выборах. Но тут, скорее, необходимо привлекать другие документы, например, отчеты милиции и судов. С другой стороны, анекдоты и частушки дополняют и подтверждают отдельные письма во власть от советских граждан, что позволяет говорить о массовом распространении схожих взглядов на выборы среди населения. Принципиальным вопросом остается вопрос о том, можно ли считать фольклорные тексты проявлением антисоветских настроений среди граждан. И тут сравнительный анализ фольклора и писем позволяет говорить о том, что концепция разномыслия и своеволия (*Eigensinn*) оказывается более продуктивной для описания ситуации в позднесоветском обществе.

Список литературы

1. Архипова А., Мельниченко М. Анекдоты о Сталине. Тексты, комментарии, исследования. М., 2011.

2. Архипова А. С. Анекдот и его прототип: генезис текста и формирование жанра : дисс. ... канд. фил. наук. М., 2004.
3. Воробьева М. В. Анекдот как феномен повседневной культуры советского общества (на материале анекдотов 1960–1980-х гг.) : дисс. ... канд. культур. наук. Екатеринбург, 2008.
4. Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004.
5. Заветные частушки из собрания А. Д. Волкова. В двух томах. Том 2. Политические частушки. М., 1999.
6. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. Вступительная статья, составление, комментарий, приложение В. А. Невежина. М., СПб., 2003.
7. Иванова Т. Г. Частушка и советская цензура // История и культура. 2009. № 7. С. 258–266.
8. Калинин И. Смех как труд и смех как товар (стахановское движение и капиталистический конвейер) // НЛЮ. 2013. № 121. С. 113–129.
9. Кирзюк А. А. Политический анекдот в контексте позднесоветской культуры // *Studia culturae*. 2017. № 1. С. 75–84.
10. Людтке А. История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти. М., 2010.
11. Мельниченко М. Советский анекдот (Указатель сюжетов). М., 2014.
12. Мельниченко М. А. Советский политический анекдот 1918–1953 годов как исторический источник : дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.
13. Разномыслие в СССР и России (1945–2008). СПб., 2010.
14. Скрадоль Н. «Жить стало веселее»: сталинская частушка и производство «идеального советского субъекта» // НЛЮ. 2011. № 108. С. 160–183.
15. Фирсов Б. Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики. СПб., 2008.
16. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

Сведения об авторе

Фокин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран историко-филологического факультета Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия.

aafokin@yandex.ru

Magistra Vitae.

2018. No 1. P. 55–63.

THEME OF ELECTIONS AND DEMOCRACY IN THE LATE SOVIET POLITICAL FOLKLORE

A. A. Fokin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. aafokin@yandex.ru

Studying how citizens perceived elections in the USSR is of great importance. The author considers political folklore as a key source. Analyzing anecdotes and *chastushki*, the author identifies the main subjects. One candidate and a known result contradicted the official rhetoric. The difference between practice and ideology was the reason to create folklore. Political folklore was in the “gray zone”, being neither allowed nor prohibited. This facilitated people demonstrating free-will. Political folklore did not mean an anti-Soviet opinion. Anecdotes and *chastushki* criticized individual moments rather than the entire Soviet system.

Keywords: *Soviet political folklore, anecdotes, chastushki, late Soviet society, elections.*

References

1. 1. Arxipova A. and Mel'nichenko M. (2011) *Anekdoty o Staline. Teksty, kommentarii, issledovaniya* [Anecdotes about Stalin. Texts, comments, research]. Moscow (in Russ.).

2. Arxipova A. S. (2004) *Anekdot i ego prototip: genezis teksta i formirovanie zhanra* [Anecdote and its prototype: the genesis of the text and the formation of the genre]. Moscow (in Russ.).
3. Vorob'eva M. V. (2008) *Anekdot kak fenomen povsednevnoj kul'tury sovetskogo obshhestva (na materiale anekdotov 1960–1980-x gg)* [Anecdote as a phenomenon of the everyday culture of Soviet society (based on anecdotes from the 1960s–1980s)]. Ekaterinburg (in Russ.).
4. Girc K. (2004) *Interpretaciya kul'tur* [Interpretation of cultures]. Moscow (in Russ.).
5. *Zavetnyie chastushki iz sobraniya A. D. Volkova. V dvuh tomah. Tom 2. Politicheskie chastushki* [Treasured chastushki from the collection of A. D. Volkov. In two volumes. Volume 2. Political ditties]. Moscow (in Russ.).
6. *Zastolnyie rechi Stalina. Dokumentyi i materialyi* [Table talk of Stalin. Documents and materials. Introductory article, compilation, comment, annex]. Moscow, St. Petersburg (in Russ.).
7. Ivanova T. G. (2009) Chastushka i sovetskaya cenzura [Chastushka and Soviet censorship], in: *Istoriya i kul'tura* [History and Culture]. No. 7, pp. 258–266 (in Russ.).
8. Kalinin I. (2013) Smeh kak trud i smex kak tovar (staxanovskoe dvizhenie i kapitalisticheskij konvejer) [Laughter as work and laughter as a commodity (Stakhanov movement and capitalist conveyor)], in: *NLO*. No. 121, pp. 113–129 (in Russ.).
9. Kirzyuk A. A. (2017) Politicheskij anekdot v kontekste pozdnesovetskoj kul'tury [Political anecdote in the context of late Soviet culture], in: *Studia culturae*. No. 1, pp. 75–84 (in Russ.).
10. Lyudtke A. (2010) *Istoriya povsednevnosti v Germanii. Novye podxody k izucheniyu truda, vojny i vlasti* [The history of everyday life in Germany. New approaches to the study of labor, war and power]. Moscow (in Russ.).
11. Mel'nichenko M. (2014) *Sovetskij anekdot (Ukazatel' syuzhetov)* [Soviet anecdote (Index of plots)]. Moscow (in Russ.).
12. Mel'nichenko M. A. (2011) *Sovetskij politicheskij anekdot 1918–1953 godov kak istoricheskij istochnik* [Soviet political anecdote of 1918–1953 as a historical source]. Moscow (in Russ.).
13. *Raznomyslie v SSSR i Rossii (1945–2008)* (2010) [Raznomyslie in the USSR and Russia (1945–2008)]. St. Petersburg (in Russ.).
14. Skradol' N. (2011) «Zhit' stalo veselee»: stalinskaya chastushka i proizvodstvo «ideal'nogo sovetskogo sub"ekta» [“Life has become more fun”: Stalin's ditty and the production of “the ideal Soviet subject”], in: *NLO*. No. 108, pp. 160–183 (in Russ.).
15. Firsov B. (2008) *Raznomyslie v SSSR. 1940–1960-e gody: Istoriya, teoriya i praktiki* [Raznomyslie in the USSR. 1940–1960s: History, theory and practice]. St. Petersburg (in Russ.).
16. Yurchak A. (2014) *E'to bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever, until it was over. The last Soviet generation]. Moscow (in Russ.).